

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 65–73.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):65–73.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.006

**Память и повседневность советского офицера
в годы Великой Отечественной войны
(опыт реконструкции по малоизученным
архивным документам)**

Геннадий Владимирович Ларин

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
larin191975@yandex.ru

Аннотация. Подготовка офицерских кадров для Вооруженных сил является основной частью военно-кадровой политики государства. В годы Великой Отечественной войны, в особенности на первом и втором ее этапах, наиболее остро стоял вопрос об укомплектованности соединений и воинских частей РККА младшим офицерским составом. Основным источником комплектования подготовленными кадрами являлись военно-учебные заведения. С 1941 по 1945 год в Рязанской области дислоцировались семь военных училищ. В данной статье на основе анализа впервые вводимого в научный оборот архивного документа автор реконструирует фрагмент специфической повседневной практики закрытой профессиональной группы. Это позволяет прочувствовать атмосферу того времени, соотнести события Великой Отечественной войны с актуальными внутри-политическими и геополитическими процессами, обеспечивает более конкретное понимание проблем формирования российского патриотизма, исторической памяти и национальной идентичности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Рязанская область, Рязань, военное училище, историческая память, повседневность, национальная и гражданская идентичность.

Для цитирования: Ларин Г. В. Память и повседневность советского офицера в годы Великой Отечественной войны (опыт реконструкции по малоизученным архивным документам) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 65–73. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.006.

Original article

**Soviet officers' memories and daily life
during the Great Patriotic War
(reconstruction attempt based on obscure
archival documents)**

Gennadii V. Larin

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
larin191975@yandex.ru

Abstract. The training of officer personnel for the Armed Forces is a key element of a state's military personnel policy. During the Great Patriotic War, especially in its first and second stages, the issue of staffing Red Army units and formations with junior officers was particularly vital. The main source of trained personnel was military educational institutions. From 1941 to 1945, seven military schools were stationed in the Ryazan Region.

In this article, based on the analysis of an archival document first introduced into scientific circulation, the author reconstructs a fragment of the specific daily practice of a closed professional group. This allows us to feel the atmosphere of that time, correlate the events of the Great Patriotic War with current domestic political and geopolitical processes, and provides a more specific understanding of the problems of the formation of Russian patriotism, historical memory, and national identity.

Keywords: Great Patriotic War, Ryazan Region, Ryazan, military school, historical memory, everyday life, national and civic identity.

For citation: Larin G. V. Soviet officers' memories and daily life during the Great Patriotic War (reconstruction attempt based on obscure archival documents). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):65–73. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.006.

Введение

Методологический инструментарий современной гуманитарной науки позволяет в новом ключе интерпретировать проблему «человек в истории», значительно расширить диапазон исследуемых аспектов. Современное гуманитарное знание, переосмысливая социальную реальность, предлагает «переопределить общество» и рассматривать его как систему, состоящую из конкретных людей и из отношений между ними. По справедливому утверждению А. В. Дроздовой, логика изучения повседневности высвобождается из рамок тотального классического дискурса и становится особым самостоятельным объектом изучения, ядром которого являются взаимодействие человеческих индивидов как на физическом, так и на эмоционально-ментальном плане [Дроздова, 2017, с. 6].

Исследователи отмечают, что при нынешнем уровне знаний уже невозможно игнорировать тему социальной и исторической памяти, которая не просто становится центральным термином в культурной истории, а постепенно институализируется в качестве самостоятельной научной дисциплины (*memory studies*) [см.: Хальбвакс, 2007].

По мнению отечественного исследователя И. Е. Козновой, если проблематика, связанная с функционированием исторической и социальной памяти, в западной гуманитарной науке фактически исчерпала себя к началу XXI столетия в связи с прохождением исследовательского пика в 1970–1980 годах, то для отечественной науки она по-прежнему свежа и не теряет актуальности и злободневности [Кознова, 2003]. Это можно отчасти объяснить тем, что железный занавес между СССР и Западом, жесткие идеологические и политические барьеры в течение долгого времени отделяли российских гуманитариев от новых тенденций развития мировой науки, а прорыв в новом понимании исторической реальности пришелся на последнее десятилетие прошлого века [см.: Пушкарев, Пушкарева].

Практическая потребность в изучении современных стратегий разных групп российского общества обусловлена тенденцией преодоления «тоталитарного синдрома» при анализе проблем советского общества, ведь «утверждения о его исключительности и аномальности не в последнюю очередь связаны с изменением ракурса рассмотрения многих традиционных для исторической науки проблем, объединенных понятиями “власть и народ”, “власть и общество”, введением в научный оборот новых типов источников и методов их анализа» [цит. по: Кознова, 2003, с. 25]. Среди них важную группу составляют эго-документы¹, позволяющие реконструировать повседневные практики, «вписать индивидуальные биографии в общеисторический контекст и соотнести свидетельства индивида с официальным нарративом, определяющим национальную память» [цит. по: Козлов, 2022, с. 8]. Эго-документы — уникальные источники для изучения человека как субъекта исторической памяти: «Историк анализирует повседневный человеческий опыт, вычленив в нем институциональные и человеческие факторы, находя внутренние смыслы изложенного в тексте, сообщенного в размышлении, недоговоренного, случайно прорвавшегося» [цит. по: Сотникова, 2021, с. 20].

Основная часть

С сентября 1942 по март 1944 года в Рязани функционировало передислоцированное из Москвы 1-е Московское пулеметное училище (далее — 1 МПУ), в масштабах страны ничем особо не примечательное. Сформировано оно на основании приказа Народного комиссариата обороны (НКО) СССР от 16 мая 1942 года № 0386 и директивы Военного совета Московского военного округа (МВО) от 21 мая 1942 года № 10997 как «Московское пулеметное училище

---

¹ Термин «эго-документы» ввел в 1958 году Ж. Прессер — нидерландский историк, писатель и поэт.

Красной Армии» с дислокацией в селе Кузьминки Московской области. Приказом НКО СССР от 23 августа 1942 года № 0655 переименовано в 1-е Московское пулеметное училище Красной Армии [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 1. Л. 1].

Передислокация училища в Рязань проходила в сентябре 1942 года двумя эшелонами. Первый эшелон в составе трех батальонов прибыл к месту назначения 10 сентября в 13 часов, и 11 сентября личный состав приступил к занятиям. Второй эшелон в составе двух батальонов прибыл 11 сентября в 15 часов, и занятия с ними начались 12 сентября [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 20. Л. 29].

Как свидетельствуют архивные документы, за непродолжительную историю своего функционирования училище провело все выпуски офицеров в Рязани. Во время первого выпуска, состоявшегося 14 января 1943 года, даже был красочно оформлен фотоальбомом, который в настоящее время хранится в Центральном архиве МО РФ в Подольске (рис.) [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 4. Л. 1–17].

Рис. Обложка выпускного фотоальбома

Установлено, что постановлением Наркома обороны СССР от 25 ноября 1943 года 1-е МПУ реорганизовали в Объединенное училище Польских вооруженных сил на территории СССР, и в марте 1944 года оно прекратило свою деятельность в прежнем статусе [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 1. Л. 1].

В 1-м МПУ в 1943 году состоялся интересный, жизненный и очень актуальный на сегодняшний день диалог, несмотря на то, что после него прошло 82 года. Листы данной беседы откопированы автором в Центральном архиве МО РФ в 2016 году во время сбора материалов для диссертационного исследования. На сегодняшний день не представляется возможным выяснить, зачем ту беседу воспроизвел на печатной машинке капитан, чье имя история не сохранила: осталась лишь его подпись чернилами в конце документа. Дата на стенограмме отсутствует, вероятнее всего, события произошли в конце ноября 1943 года, так как документ в архивном источнике расположен между двумя другими, датированными 24 и 28 ноября [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 5. Л. 39, 40–40 об.]. Диалог вели двое. Автором статьи установлены некоторые их биографические данные, необходимые для того, чтобы хотя бы приблизительно представить себе собеседников и те чувства, которые они испытывали во время разговора.

Первый — заместитель начальника 1-го МПУ по политической части майор Григорий Борисович Ухаров, 1908 года рождения. Ухаров родился в селе Муравлянка Горловского (ныне Скопинского) района Рязанской области. Русский, родом из крестьян, рабочий. В Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) — с 1930-го, член ВКП(б) с 1932-го, окончил курсы по-

литруков в 1936 году. Участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию в 1939-м. В первые месяцы Великой Отечественной войны, с июля по август 1941-го, служил в должности начальника отдела пропаганды 10-й армии. Тяжело ранен в июле и контужен в августе 1941 года [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 58. Л. 1]. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени 22 февраля 1944 года [Там же. Ф. 33. Оп. 686043. Ед. хр. 13. № записи 20790977].

Второй — лейтенант Александр Яковлевич Гащенко, 1908 года рождения. Гащенко родился в селе Петровка Крынковского района Полтавской области Украинской ССР (согласно архивным документам). Украинец, родом из крестьян, служащий. Образование — 7 классов (окончил в 1937 году). Член ВКП(б) с 1938-го, в РККА — с июня 1941 го. Участник Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 года получил осколочное ранение в висок и щеку, после лечения направлен для обучения в 1-е МПУ в Рязань. По окончании учебы приказом командующего войсками Московского военного округа от 8 апреля 1943 года № 0889 Гащенко присвоено воинское звание «младший лейтенант». Для дальнейшего прохождения службы был направлен в распоряжение командующего войсками Юго-Западного фронта [ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 41. Л. 100, 101]. В 1945 Гащенко году — гвардии лейтенант, командир пулеметной роты 620-го стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени в марте 1945 года за то, что 1 августа 1943-го, будучи командиром пулеметного взвода, при форсировании реки Донец в районе Большой и Малой Еремовки со спецгруппой своего взвода в районе деревни Долгенькое Харьковской области захватил два ДЗОТа, при этом получил контузию [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 744807. Ед. хр. 72. № записи 83203181].

В приведенных биографических данных прослеживается много общего между участниками диалога. Они ровесники, оба крестьянского происхождения, коммунисты, до службы в училище участвовали в боях Великой Отечественной войны, получили ранения, оба офицеры (один из них, правда, короткое время находился в подчинении у другого во время учебы). Как активные участники войны (такая формулировка существовала для тех, у кого не было наград на заключительном этапе войны или сразу после ее завершения, но были ранения, за что в дальнейшем и награждали) имели одинаковые ордена. Понятно, что это простое совпадение. Впрочем, было между ними отличие: первый — русский, с «рызанщины», второй — украинец, полтавчанин. Но тогда этому никто не придавал значения, у всех была одна общая большая цель — победить врага!

Текст диалога приводится в приложении с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Мы же прокомментируем основные особенности этого документа, который позволяет прочувствовать атмосферу разговора двух сослуживцев и пережить вместе с ними те события, о которых говорится.

В диалоге между майором Г. Б. Ухаровым и лейтенантом А. Я. Гащенко в речи последнего имеется семь отдельных рассказов, кроме вводной части, которым можно дать краткие названия:

1. Выпуск из училища и боевое крещение.
2. Бои за Долгенькую и выявленная шпионка.
3. Посещение раненых сокурсников.
4. Рассуждение о ранениях.
5. Барвенково — реакция освобожденных жителей.
6. Рассуждения о карте и стрельбе.
7. Рассуждение об училище и курсантах.

Из короткой, но очень емкой, пропитанной личными переживаниями беседы двух офицеров в первую очередь отчетливо видно, как лейтенант, вчерашний выпускник 1-го МПУ, благодарен своим бывшим командирам за подготовку, полученную им и его сокурсниками во время учебы. А. Я. Гащенко стремился поделиться войсковым опытом с бывшим командиром, рассказать о тех моментах, которые могут возникнуть в реальной боевой обстановке. Эта информация могла помочь в дальнейшей подготовке квалифицированных офицерских кадров.

Акцентируем внимание на географических объектах, о которых идет речь в рассказах лейтенанта: упомянуты города Барвенково, Дебальцево, Лозовая, а также ряд сел: Долгенькое, Еремовка (Яремовка), Каменка, Яцково (Яцковка) и др. Названа река Северский Донец (в архивном источнике Гащенко сначала называет ее «Донец», а затем — «Северный Донец»). Все они находились на территории Украинской ССР, где интенсивность боев по освобождению от фа-

шистских захватчиков была крайне высокой. Так, в селе Еремовка (Яремовка) Изюмского района Харьковской области захоронено более 1 700 жертв войны, а в Долгеньком в братской могиле похоронено 3 200 советских воинов.

В ознаменование одержанной победы отличившимся в боях за освобождение города Барвенково соединениям и частям приказом Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза И. В. Сталина 10 сентября 1943 года присвоено наименование «Барвенковских»: 39-й гвардейской стрелковой дивизии; 31-й гвардейской отдельной танковой бригаде; 1890-му отдельному самоходному легкому артиллерийскому полку; 51-му отдельному танковому батальону. Это также подтверждает героическое прошлое далеких военных лет на той земле.

По наименованиям населенных пунктов, упомянутых в беседе двух офицеров, становится ясно: спустя многие десятилетия там, как и прежде, происходят схожие по своей сути события.

Заключение

Итак, публикуемый документ являет собой интересный образец самопрезентации индивидов, принадлежащих к специфичной социально-профессиональной группе и действующих внутри определенных контекстов и связей и воспроизводящих свойственную этой группе историческую память. Эго-документы — социальные практики, выраженные в конкретных коммуникативных ситуациях, а их изучение помогает обычным «маленьким» людям обрести в истории собственные голоса и лица за жесткими границами базовых идеологем официального нарратива. «Если национальная память подчинена интересам государства и элит, контролирующих его ресурсы, то совсем другое дело — мемуары или автобиографии рядовых участников событий» [цит. по: Козлов, 2022, с. 9].

Также мы видим, что реконструкция повседневных практик демонстрирует отсутствие тотального контроля власти над обществом. Даже в самых сложных ситуациях у людей имелся выбор, и на практике они поступали по-разному, руководствуясь личными представлениями о морали и нравственности. Как блестяще показал немецкий историк А. Людтке в фундаментальной монографии «История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти», «отдельные индивидуумы или социальные группы на повседневном уровне трансформировали либо в той или иной мере блокировали проникновение властного контроля в свою жизнь и в жизнь социума» [цит. по: Фадеева, 2012, с. 158]. Это исключительно важный вывод, учитывая силу принципиального сходства историографических проблем и близости исторических судеб народов России и Германии

В рамках концепции французского философа П. Рикера память выполняет несколько функций: кумулятивную, донося до последующих поколений информацию о тех или иных событиях истории; аксиологическую, оценивая и интерпретируя прошлое; эпистемологическую, фиксируя адекватные воспоминания о прошлом; этическую, выражающуюся в моральной оценке действий тех или иных исторических личностей. «Этическая функция памяти предполагает необходимость забвения для искоренения вражды и ненависти между людьми. Иначе говоря, наблюдается тенденция запоминания и воспроизведения паттернов конструктивного исторического опыта и постепенного сглаживания, стирания опыта деструктивного, что способствует консолидации общества и разрешению конфликтов. Из анализа дискурса исторической памяти следует то, что она служит фактором социализации и формирования идентичности человека, отличаясь ярко выраженной идеологической направленностью» [цит. по: Моисеенко, 2022, с. 36–37].

Следовательно, историческая память выступает одним из элементов укрепления национальной и гражданской идентичности, самосознания и патриотизма. В контексте всего вышесказанного возникает желание донести до сопредельной стороны простые, но в то же время глубочайшие слова и мысли советского офицера прошлых лет, украинца по национальности, о том, что действительно является ценным и кто есть истинный союзник. Может быть, представленный в приложении к статье диалог двух воинов-единомышленников — рязанца-русского и полтовчанина-украинца — хотя бы отчасти поспособствует пониманию истоков национального единства. Стоит особо учитывать, что представления граждан России об общем историческом прошлом, политических и военных событиях являются принципиально важным фактором формирования в общественном сознании образа страны, что стратегически важно в контексте актуальных геополитических процессов.

Из рассказов лейтенанта Гащенко

Когда в кабинете заместителя начальника училища по политчасти майора Ухарова появился в коротком кавалерийском полушубке лейтенант, сразу почувствовалось, что вошел офицер-фронтовик. Об этом свидетельствовал не только полушубок с полевыми погонами, — вся фигура лейтенанта, его взгляд и жесты и движения говорили о человеке с накопленной и сжатой внутри энергией, которая до поры до времени расходуется экономно. Движения лейтенанта были энергичны, просты и законченно четки. Они говорили о том, что этот человек привык отвечать за свои поступки и прекрасно знает — никто не сможет его упрекнуть потому, что самими поступками и решениями руководит одно чувство и мысль: «Моя Родина сейчас воюет». Лейтенант привык этим проверять свои действия. Взглянув на лейтенанта, как-то сразу начинаешь в него верить и чувствовать, как этот человек приучен думать сначала о порученном деле, потом о вверенных ему людях и только мимоходом о себе и о своей жизни.

– Лейтенант...

– Гащенко, — сказал майор Ухаров и поднялся из-за стола навстречу.

В протянутой руке и пожатии майора было приветствие, которое так хорошо у мужчин заменяет объятие.

– Откуда?

– Сейчас из госпиталя, товарищ майор. А был я у вас...

– Помню: старшиной... только вот какой роты...

– Тринадцатой роты.

– Садитесь и рассказывайте, — улыбнулся майор.

Лейтенант Гащенко сел в кресло и полез в полевую сумку за картой. Это стало привычкой — рассказывать по карте.

Еще в марте был он курсантом 1-го Московского пулеметного училища, в апреле уехал младшим лейтенантом на Юго-Западный фронт. Прошло меньше 10-ти месяцев, а в жизни гвардии лейтенанта Гащенко произошло так много, что рассказывать по порядку было трудно. Все пережитое, передуманное мгновенно вспыхивало перед ним, воспоминания насакивали, отгесняли друг друга и хотелось не забыть, поделиться тем, что вот сейчас так ярко воскресло. И переправа через Донец, и взятие Большой Еремовки, Долгенькой, фашистская батарея в яру, пули, разрывы мин, товарищи, землянки, большаки, госпитали. Ох, как много всего!

Видно было по его вздохам, что лейтенант старательно сдерживает чувства, подыскивает слова попроще, чтобы не выплеснулось через край все то личное, которое кажется сейчас лейтенанту неинтересным, не нужным. Он даже, вероятно, сердится, что эти воспоминания своих чувств как нарочно, особенно яркие и, как ему кажется именно они мешают высказать главное и существенное. Он говорит медленно и от этого рассказы его обрывисты и несложны.

.....

– Як выехали, так доехали вси, — сто девятнадцать нас было, до Купянска... По армиям опять группами вместе. В двадцать девятом корпусе з нашего училища 62 человека оказалось. Я, хотя в армии был, но весь путь от Донца на Барвенково в 29-м. Наши дрались хорошо, как нужно, в боях видел. Командирами — выпускниками, что из нашего училища, довольны. Говорили, что правильно подготовлены и знают. Сам наших видел у Донца.

– Северный Донец.

– Вот, в нескольких местах сразу. Тут Каменка, а здесь, например, одна переправа, вот и другая. И третья. Одну под водой проложили для танков и орудий. Огонь, самолеты, мины. Были попадания, однако минут через 15 снова действует переправа. Пехота переправлялась тут. Кто как сумеет. Наши трое взводами командовали, на досках переправлялись. Пулеметы поставили на доски и тронулись. Немцы обстрел открыли с высотки.

– Косоприцельным!

– И минометы тут и орудия. Шквалом. Почти к тому берегу подобрались, но тут попадания стали лучше и доски по — перевернулись. Какие в щепы. Пулеметы в воду. Наши трое...

– А кто?

– Вот, товарищ майор... фамилии, — лейтенант наморщил лоб и досадливо махнул рукой, — так знаю: один черненький из третьего взвода... ведь вот лицо помню, где по расчету стоял укажу, а фамилия... ну не помню. Так они трое, а за ними другие, вброд до берега. Мокрые, с одними гранатами выскочили первыми. Впереди них вдрут ДЗОТ. Шинели мокрые. Так и засучили рукава и бегом на ДЗОТ. Гранатами, криком, смелостью взяли. А тех фрицев, что наверх выскакивали прямо душили. Такая злость была... чтобы взять и удержаться на том берегу.

– Удержались?

– А як же! И эту деревню тоже взяли. С хода.

— То семнадцатого июля переправа была, а Долгенькую, как по приказу, двадцатого. С трех сторон. У немцев тут крепкая оборона была. И нет подходов. А взяли чисто.

— Подождите, Гащенко, вы то сами, где на переправе были?

— Полтора часа в воде сидел, товарищ майор.

— Почему в воде?

— Так вышло. Следил за переправами и берегами. По нашему берегу землянки кое-где с жителями. Как фашистским самолетам появиться, — шум моторов доходит, так из одной землянки женщина с бельем вышла стирать. Потом ушла. Снова самолеты... И она к берегу стирать белье. Оказалась шпионкой.

— Трех наших, что на переправе ДЗОТ взяли, довелось мне повидать. Они ранены были, но легко.

— Где же вы их встретили? В Барвенково?

— Так, я же не встретил, товарищ майор, я у них был.

— Как это у них?

— Точно, товарищ майор, в медсанбате. Время у меня вышло посвободнее, — я взял, да и поехал. Дай думаю, все же розыщу и посмотрю на них, как и что с ними. Знал я, что раненых... вот здесь Яцково, потом Сухая Каменка. Нашел — поговорили.

Майор кивнул головой и ничего не сказал. Он только посмотрел на меня и снова несколько раз кивнул головой.

— А вас, товарищ Гащенко, не там ранили?

— Нет, меня после Барвенкова контузило. Ехал в грузовике, с шофером сидел в кабинке, а снаряд прямо почти-что в машину угодил. Выкинуло воздухом. А рана была тут у глаза, так это раньше, до училища, под Харьковом. Я тогда в кавалерии еще служил. Интересно с этим ранением получилось — доктор все смеялся.

— А ну расскажите, тов. Гащенко.

Лейтенант оживился и в тоже время смущенно заулыбался.

— Еще до ранения помню — лежишь перед делом и думаешь обо всем. Всякие мысли приходят в голову. Под обстрелом, помню, привычка такая выработалась: лежишь и думаешь, что, если мне отобьют ноги, так руки останутся, руками буду работать. Ничего. Я до войны помощником директора на строительстве был, смогу работать и без ног. Писать смогу. Если руки, скажем, обе — это я так лежу и рассуждаю, — так жена будет. Я ей говорить буду — она запишет. Опять выходит, что смогу полезным быть, работать. Так вот когда после ранения я очнулся в госпитале, помню, доктор сказал, что осколок меня удачно царапнул, не задел глаза. А после того, как все зажило, доктор меня спросил: «Скажите мне», — говорит, «почему у вас растерянный вид был, когда я сказал, что осколок не повредил зрения?» Я доктору прямо сказал как о ранениях в ноги и руки размышлял, обдумывал, а на счет глаз оказалось забыл подумать. От этого, может быть, растерялся. А доктор засмеялся. Да. Потом сказал: «Это у Вас», — говорит, «Правильно — жажда жизни есть. Прямо», — говорит, «Какая-то даже злость к жизни». И верно товарищ майор, я знаю, что буду жить и работать, куда бы не был ранен. Это я знаю твердо.

— Барвенково? В Барвенково мне удалось проскочить с первыми тремя танками. Одну улицу от поджигателей спасли. Не успели фрицы. А жители тов. майор, выскочили кто откуда, ну прямо из-под земли. И плакали. Обнимают, целуют, а щеки у них мокрые. Одна женщина тогда большую услугу оказала: знала она, где у немцев девять орудий в яру стояли. Рассказала и ориентир дала — фабричная труба в створе оказалась. Передал я нашим артиллеристам, а те накрыли, весь расчет разогнали. Орудия были хорошо замаскированы, очень хорошо, и, если бы не та женщина, так постреляли бы они наших не мало.

— Навестить училище, это я еще в госпитале надумал. Ведь целый год воспитывались у Вас. Наши курсанты хорошо себя показали, товарищ майор. Большую выучку и, как бы сказать... Вот те, что легко ранены были на переправе, так они не захотели в тыл итти и через двенадцать дней были на своих местах в двадцать девятом корпусе. Еще скажу, что там на фронте самое главное уметь хорошо, даже отлично, читать карту.

Лейтенант Гащенко любовно погладил разложенную перед ним карту.

— Без нее ни шагу. Посмотришь... И всякое задание делается ясным, можно предварительные решения принимать, что просмотреть, где проверить, с чего начать. Карта как книга рассказывает. А у пулемета обязательно задержку знать.

— Бывают? Какие?

– Бывают, товарищ майор. Особенно поперечный разрыв гильзы. Из пулемета сейчас на близкие расстояния стреляют и потому мало времени остается на устранение задержки. Если с ней копаться... Подпускают фрицев близко, — когда уже в рост идут. Тогда огонь. И если некоторые даже попадают не ранеными, так очень хорошо видно, где они улеглись. Тут они уже не уйдут. Целиком видны точно.

.....

– Весь путь наши выпускники от Донца на Барвенково, Лозовую, Дебальцево прошли, — лейтенант Гащенко бережно сложил карту.

– Теперь опять поеду, а к вам хотелось зайти и рассказать, как наши курсанты хорошо воюют. Есть выучка. И посмотреть на училище хотелось — ведь год здесь был. Воспитали вы меня здесь.

Гащенко встал.

Перед тем как он вышел, майор и лейтенант снова обменялись крепким мужским рукопожатием.

Капитан / подпись /

[ЦАМО РФ. Ф. 60048. Оп. 35095. Д. 5. Л. 39, 40–40 об.]

Список источников

1. Дроздова А. В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01. — М., 2017. — 347 с.
2. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. — 2022. — № 4. — С. 5–11.
3. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. — 2003. — № 2. — С. 23–34.
4. Моисеенко О. И. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). — 2022. — № 4. — С. 31–45.
5. Пушкарев Л. Н., Пушкарева Н. Л. Ментальность (менталитет) // Кругосвет : энцикл. — URL : <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm> (дата обращения: 13.11.2026).
6. Сотникова Е. В. История повседневности как научное направление // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2021. — Т. 5. — С. 20–22.
7. Фадеева Т. М. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / под общ. ред. С. В. Журавлева ; пер. с англ. и нем. — М. : РОССПЭН : Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. — 271 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История. — 2012. — С. 158–163.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое изд-во, 2007. — 346 с.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). — Ф. 33. — Оп. 686043. — Ед. хр. 13. — № записи 20790977 ; Оп. 744807. — Ед. хр. 72. — № записи 83203181 ; Ф. 60048. — Оп. 35095. — Д. 1, 4, 5, 20, 41, 58.

References

1. Drozdova A. V. *Vizualizatsiya povsednevnosti v sovremennoy mediakulture* [Visualization of everyday life in contemporary media culture]: diss. ... of doctor of cultural studies: 24.00.01. Moscow, 2017, 347 p. (In Russian)
2. Kozlov S. V. Ego-Documents in the Structure of Historical Memory. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. 2022, no. 4, pp. 5–11. (In Russian)
3. Koznova I. E. Historical memory and the main trends in its study. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2003, no. 2, pp. 23–34. (In Russian)
4. Moiseenko O. I. The role of historical memory in the formation of civil identity in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21, Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Ser. 21, Management (State and Society)]. 2022, no. 4, pp. 31–45. (In Russian)
5. Pushkarev L. N., Pushkareva N. L. Mentality (mentality). *Krugosvet: encyclopedia*. Available at: <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm> (accessed: 13.12.2026). (In Russian)
6. Sotnikova E. V. Everyday history as a research field. *Inter Expo Geo-Siberia*. 2021, vol. 5, pp. 20–22. (In Russian)

7. Fadeeva T. M., Ludtke A. Everyday history in Germany. New approaches to the study of labor, war, and power. Ed. by S. V. Zhuravlev; transl. from English and German. Moscow, ROSSPEN Publ., German Hist. Institute in Moscow, 2010. 271 p. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya*. [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5, History]. 2012, pp. 158–163. (In Russian)

8. Halbwachs M. *Sotsialnyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoye Izd-vo Publ., 2007, 346 p. (In Russian)

9. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony RF (TSAMO RF)* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF)]. F. 33. Op. 686043. Unit of storage 13. Record No. 20790977; Op. 744807. Item 72. Entry 83203181; F. 60048. Op. 35095. D. 1, 4, 5, 20, 41, 58. (In Russian)

Информация об авторе

Ларин Геннадий Владимирович — руководитель научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: Великая Отечественная война, военное образование, военные учебные заведения, военно-кадровая политика.

Information about the author

Larin Gennadii Vladimirovich — head of the research and educational center for historical, humanitarian, and socio-economic studies, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: the Great Patriotic War, military education, military educational institutions, military personnel policy.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 22.09.2025; accepted for publication 12.01.2026.